

Екатерина Кожина

Испуганный чайный лист

Екатерина Кожина

Испуганный чайный лист

«Автор»

2026

Кожина Е.

Испуганный чайный лист / Е. Кожина — «Автор», 2026

В прекрасном мире правил и законов нет места свежему ветру. Но бывают принцессы, которые даже из собственного похищения могут устроить праздник.

© Кожина Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	8
Глава 4	10
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	18
Глава 8	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Екатерина Кожина

Испуганный чайный лист

Глава 1

Свод придворных правил восточной империи славился своей дотошностью. Здесь все имело значение: длина рукава, глубина поклона и даже оттенок шелка.

Император Шэнь, человек в душе мягкий и добродушный, искренне старался соответствовать званию правителя. Но порой и он заходил в тупик. Сидя на утреннем приеме, он косился на свои рукава, пытаясь вспомнить: тунику цвета «весенней ивы» или «молодого бамбука» следовало надеть для визита почтенных виноделов?

— Ваше Величество, — шептал на ухо советник, — вы снова смотрите на министра финансов прямо, а по уставу положено — чуть наискосок, выражая легкую задумчивость.

— Ах, да, конечно, — вздыхал Император, меняя наклон головы. — Вечно я путаю задумчивость с сосредоточенностью.

Его дочери, принцессе Лиан, этикет давался не легче. Окружающие ждали от нее совершенства. Обязанностей было много: красиво петь, правильно наливать чай и играть на семи традиционных инструментах.

— Лиан, дорогая, флейта звучит чудесно, но ты зажмурилась на высокой ноте, — журила ее наставница. — Принцесса должна встречать трудности с полуулыбкой.

Лиан послушно кивала, но втайне мечтала совсем о другом. Выйти в поле, где трава щекочет щиколотки. Наклониться к ручью и напиться воды прямо из ладоней. Без серебряных чаш, чинных поклонов служанок и бесконечных подсказок, как правильно держать спину.

Раз в год, во время праздников, Император вместе с семьей выезжал за пределы дворца. По традиции, лицо принцессы скрывала легкая, но плотная шелковая вуаль. Горожанам и воинам не полагалось пристально разглядывать королевских особ, поэтому во время их шествия все опускали глаза.

В этот солнечный день Император приветствовал на площади лучший полк империи. Солдаты стояли стройными рядами. Лиан шла позади отца, придерживая подол платья. Она устала от зноя и тяжелого головного убора.

И тут с холмов подул удивительный ветер. Он был живым, легким и пах дикими травами — совсем как в ее мечтах. Ветер озорно пробежал по площади и на мгновение приподнял край шелковой вуали принцессы.

Стоявшие вокруг придворные смотрели вперед. Солдаты держали взгляды устремленными в землю. Никто ничего не заметил.

Никто, кроме одного молодого воина из первого ряда. Он слегка приподнял голову, чтобы поправить ремень шлема, и его взгляд перевернул движение ткани.

Всего на долю секунды парень увидел милое, слегка растерянное лицо юной принцессы. На ее щеке отпечатался след от долгого ношения вуали, а в волосах запуталась маленькая пушинка. Она не выглядела недостижимой богиней с картин — обычная уставшая девушка, которой тоже жарко в этот полдень.

Лиан перехватила вуаль пальцами, но успела заметить, как воин моргнул и тут же опустил глаза, сделав вид, что изучает трещину на каменной плите.

Глава 2

У каждого приличного правителя должен быть верный друг, который спит и видит, как занять его трон. У Императора Шэня таким «другом» был канцлер Го. Человек утонченный, амбициозный и уставший от того, что Шэнь вечно путает фasons туник на важных приемах.

План канцлера Го был изыщен. Похитить принцессу Лиан, увезти подальше и заставить ее написать «чистосердечное признание» о вымышленных грехах отца. Ну, например, что Император заваривает чай водой второго кипячения, что по закону приравнивалось к государственной измене. Опозоренный Шэнь отрекается от престола, а Го становится правителем. Красота!

Похищение прошло гладко. Лиан сидела в беседке, пытаясь заставить лютню звучать прилично. К ней подошли двое в масках, вежливо поклонились по параграфу 12 (для приветствия девиц королевской крови) и мешком накрыли с головой.

Когда Император узнал об исчезновении дочери, он впал в панику.

— Объявить общий сбор! — гремел Шэнь в тронном зале. — Искать везде! Под каждым бамбуком! Канцлер Го, друг мой, что говорит закон на случай похищения?

— Закон говорит, Ваше Величество, что мы должны три дня сокрушаться и пить горький отвар, — со скорбным лицом сказал Го. — Но мы начнем поиски немедленно!

На поиски снарядили лучшие отряды, включая полк «Железных Журавлей». В одной из поисковых групп оказался и молодой десятник Цан. Тот самый, что успел увидеть лицо принцессы.

Пока остальные солдаты допрашивали трактирщиков на предмет «не проезжала ли тут карета со зловещими людьми», Цан подошел к делу тоньше. Он спрашивал про странных путешественников.

В одном из чайных домиков ему повезло. Местный торговец сладостями жаловался:

— Говорю, это была переодетая разбойница! Везут ее какие-то хмурые господа в закрытой повозке, а она высунулась и давай пить воду прямо из ведра! Ладонями!

— И что?

— Как что?! Ей ее спутник кричит: «Дама, постыдитесь, вот же серебряная пиала!», а она ему эту пиалу на голову надела и ка-а-ак запоет!

— Почтенный, — Цан положил на стол монетку. — А лицо у этой... нарушительницы этикета какое было? Круглое, как луна? Глаза грозные?

— Да какое там грозное! — махнул рукой торговец. — Девчонка совсем. Симпатичная, глаза огромные. И в волосах пушинка застряла. Я еще подумал: надо же, какая чудная барышня.

Цан поднялся, поправляя ремень шлема. Сомнений не оставалось. Он напал на след.

След вел к границе с соседним королевством Сила. Страна эта отличалась от империи тем, что законов там почти не было, зато все любили торговаться, шуметь и пить крепкий ягодный морс.

Цан рассказал командиру отряда про похитителей, но его начальник напомнил, что они ищут принцессу совершенство, как на портретах, а не девченку с пушинкой. Тогда наш солдат отделился от отряда и через день пути пересек пограничный мост. Конвоиры Лиан явно спешили: они бросили повозку и пересели на лошадей, направляясь к уединенному замку в горах.

Углубившись в чужие земли, десятник нагнал похитителей на постоялом дворе «Сытый кабан». Цан зашел в общий зал и сразу заметил за дальним столом троих мужчин в дорожных плащах. Они выглядели помятыми и нервными.

Цан заказал миску лапши и подсел поближе к хмурой троице.

— Тяжелый день, господа? — дружелюбно спросил он, придвигая к ним кувшин с морсом.

— Не то слово, — выдохнул один из похитителей, утирая пот. — Мы нанялись перевезти одну знатную особу. Нам сказали: «Она хрупкая, воспитанная, слова лишнего не скажет». Ага, щас!

— И что не так? — улыбнулся Цан.

— Да она нас извела! — пожаловался второй. — Вчера три часа отказывалась обедать, потому что суп подан в тарелке неправильной геометрической формы. Это оскорбляет ее эстетическое чувство! Потом заявила, что конь под ней скачет не в том ритме. Говорит: «Приведите лошадь на размер три четверти, у меня под этот аллюр есть прекрасная баллада». Мы чуть с ума не сошли, пока доехали!

— А сейчас она что делает? — Цан кивнул на потолок.

— О-о-о, — содрогнулся третий похититель. — Она закрылась изнутри на задвижку и заявила, что по закону ее родины, барышни обязаны практиковать искусство семи инструментов по четыре часа в день. Если мы выломаем дверь, она обещает спеть балладу о верности. У меня от ее пения уже зубы ломаются!

Цан доел лапшу и встал из-за стола. И пошел выручать принцессу.

Глава 3

Дойти до двери Цан не успел. Похитители, заметив интерес молодого человека с мечем, решили не рисковать. Пока он поднимался по леснице и придумывал речь спасителя, Лиан спустились на веревке через окно и унесли в темноту.

Цан обнаружил лишь распахнутое окно и забытую на подоконнике бамбуковую флейту. — Ну и ладно, — пробормотал он, пряча инструмент за пояс.

Он снова двинулся по следу, который вел через горный лес королевства Сила. Ночь опустилась быстро, и тропинка сузилась настолько, что лошадь пришлось вести под уздцы.

Вдруг из-за куста шиповника с громким, но почему-то испуганным писком выскочило нечто. Это был парнишка лет семнадцати в безразмерных обносках. В руках он пытался удерживать ржавый тесак.

— Сто-ой, путник! — закричал парень, пытаясь принять грозный вид. — Я... я свирепый лесной разбойник! Отдавай кошелек, коня и... и это... тунику! Иначе я тебя на бамбук намотаю!

Цан даже не потянулся к мечу. Он остановился и оглядел нападавшего.

— Парень, — сказал десятник. — Во-первых, у тебя тесак задом наперед. Ты меня тупой стороной пугаешь. Во-вторых, разбойники не кричат «ойойой», когда наступают на колючку.

Парнишка глянул на свое оружие, попытался его перевернуть, выронил в траву, а когда нагнулся, чтобы поднять, умудрился стукнуться лбом о колено Цана. Десятник вздохнул, взял юношу за шиворот и приподнял над землей.

— Отпусти-и! — заверещал «свирепый разбойник», перебирая ногами в воздухе. — У меня банда за углом! Их сорок человек! Все людоеды!

— Угу, — кивнул Цан, усаживая его на бревно. — Сорок человек, и все сидят в кустах и плачут, потому что главарь забыл, как держать нож. Как звать-то тебя, гроза лесов?

— Бао... — шмыгнул носом парень, растеряв воинственный пыл. — Я не хотел грабить, честно. Просто в таверне три дня не кормили, а тут ты... такой одинокий, красивый...

Цан присел рядом, достал из сумки вяленое мясо, лепешку и протянул Бао. Тот набросился на еду.

— Слушай, Бао, — Цан сделал суровое лицо. — Я ищу опасных преступников. Они похитили... кое-что ценное. Если я их не найду, мой Император разгневется. Знаешь, что он делает, когда гневается?

Бао замотал головой, жуя лепешку.

— Он заставляет нарушителей читать Свод Законов из трех тысяч глав. Вслух. Стоя на одной ноге. На нефритовом коврикe. Без перерыва на обед.

У Бао округлились глаза. Казнь показалась ему изошренной и бесконечной.

— Мамочки... — прошептал он. — Какая жестокая у вас страна.

— Вот именно, — кивнул Цан. — А поскольку я в вашей Силе ни черта не знаю — ни дорог, ни местных обычаев — ты теперь мой проводник. Будешь помогать, выдам тебе мешок риса и новую тунику. Будешь артачиться — заставлю учить параграф о правильном наклоне головы при встрече с весенней ивой. Понял?

— Понял! — Бао закивал. — Все сделаю! Я тут каждую тропинку знаю! Даже те, которые еще не протоптали!

Уже через час Бао освоился в роли помощника и развлекал Цана разговорами. Впрочем, дело свое он знал — ориентировался в темноте как кошка.

Они вышли на развилку у каменоломни. Здесь след от копыт раздваивался. Один вел на торговый тракт, другой — в глухое ущелье.

— Так, начальник, — Бао, осматривая землю. — Кони пошли направо, к городу. Там шумно, легко затеряться. Логично же?

Цан подошел к левой тропе, ведущей в ущелье, наклонился и поднял с земли маленький круглый предмет. Это был идеально высушенный чайный лист.

— Направо поехали их сообщники, чтобы запутать след, — сказал Цан. — А сама принцесса... то есть, наш объект, поехала налево.

— С чего ты взял? — удивился Бао. — Подумаешь, листик.

— Это не просто листик. Это жасминовый чай «Слезы Дракона». Его заваривают при дворе.

Цан улыбнулся, вспомнив уставший, но упрямый взгляд Лиан на площади. Принцесса не собиралась облегчать жизнь своим похитителям. Даже будучи плененной, она вела партизанскую войну, используя содержимое своих карманов.

— Ну что, Бао, — скомандовал Цан. — Нас ждет прогулка по ущелью. К утру мы догоним эту чайную церемонию на колесах.

— Главное, начальник, — пробормотал Бао, — чтобы она не начала читать свои законы. А то я уже заранее эту иву несчастную боюсь!

Глава 4

В глубине горного ущелья, у костра, сидели трое похитителей. Лица у них были такие, словно они провели два года на каторге, хотя с момента похищения прошло три дня.

Принцесса Лиан сидела на ящике. Руки ее были вежливо, согласно параграфу о «пленении особ королевской крови», связаны шелковым шнурком. Но это не мешало ей вести психологическую атаку.

— Вы совершенно не понимаете суть бытия, — говорила Лиан, глядя на старшего похитителя. — Вы положили мешочек с чаем «Слезы Дракона» рядом с вяленным окороком. Вы понимаете, что вы наделали?

— Госпожа, умоляю, замолчите, — жалобно протянул старший, обхватив голову руками. — Какая разница? Это просто трава в тряпке.

— Трава?! — в глазах Лиан вспыхнул ужас. — Жасмин — это нежная душа утреннего сада! Он впитывает запахи, как губка. Вы заварили мне чай, который пахнет старым кабаном и конским потом! По закону моей родины, за такое оскорбление сажают в чан с прокисшим соусом на три луны!

— Да пусть меня посадят в соус! — всхлипнул самый молодой из наемников, утирая слезу грязным рукавом. — Силы моей больше нет. Она уже два часа рассказывает, как правильно сушить листья под углом в сорок пять градусов к заходящему солнцу! Я спать хочу! Я маму хочу!

— И вообще, — добавила Лиан, слегка поправив прическу, из которой так и не вытряхнули ту самую пушинку, — вода для чая должна закипать с пузырьками размером с «глаз рака». А вы довели ее до состояния «бушующего шторма». Это же варварство. От этого лист пугается и закрывает свои чакры.

Старший похититель молча достал кинжал, посмотрел на него, потом на Лиан и со стоном вонзил его в землю.

— Если канцлер Го не заплатит мне тройную цену, я сам сдамся ее отцу. Пусть меня заставят учить весь свод законов, лишь бы не слушать про испуганный чайный лист

Цан и Бао наблюдали за этой сценой с уступа чуть выше костра. Десятник едва сдерживал смех, слушая, как принцесса доводит до депрессии головорезов.

— Так, начальник, — прошептал Бао, потирая руки. — План засады готов. Я иду в бой. Смотри и учись, как работают великие актеры Силы!

Через минуту из темноты ущелья, пошатываясь и громко рыдая, выполз Бао. На голове у него был намотан какой-то лопух, а рубаха была разорвана.

— Спасите-помогите-умираю-у-у! — заорал он на все ущелье, падая прямо к костру похитителей. — Там... там в лесу... ужасное! Кошмарное!

Наемники подпрыгнули, хватаясь за оружие.

— Что там?! — крикнул старший. — Тигр? Медведь?!

— Хуже! — запричитал Бао, хватая старшего за сапог. — Там дикий горный кабан размером с избу! Он сожрал мою телегу с навозом и теперь идет сюда! Он пахнет... пахнет неправильно высушенным жасмином!

Похитители на секунду зависли, пытаясь переварить информацию про кабана-ценителя чая. Этой секунды Цану хватило.

Десятник спрыгнул со скалы за спины бандитов. Три быстрых удара рукоятью меча по затылкам — и все трое похитителей улеглись отдыхать на горную траву рядом со костром.

Лиан удивленно моргнула. Она посмотрела на упавших наемников, затем на воина в доспехах ее империи. Вуали на ней не было. Цан снова увидел эти огромные, слегка усталые глаза.

— Ты... — сказала Лиан, узнав парня с площади. — Тот солдат, который не успел отвернуться.

— Десятник Цан, Ваше Высочество, — Цан преклонил колени и перерезал шнур на ее запястьях. — Прибыл по приказу Вашего отца. Извините, что без правильной туники. Моя сейчас цвета «пыли дальних дорог».

Лиан искренне и рассмеялась.

— Наконец-то нормальный человек, — вздохнула она, потирая запястья. — Кстати, у тебя не найдется попить? Только умоляю, не из серебряной посуды.

Побег по ущелью пришлось прервать на выходе к долине. Бао, бежавший впереди в качестве разведчика, вдруг зашипел как змея и бросился в кусты.

— Тормози, начальник! Там пограничный патруль Силы! Человек десять, с факелами и арбалетами! Ищут кого-то. Если нас увидят с принцессой — пиши пропало. В тюрьму закроют, а там чай не дают.

Цан оценил ситуацию. Бежать назад — потерять время. Наемники скоро очнутся.

— Так, — скомандовал Цан. — Бао, включай великого актера. Мы — семья торговцев. Лиан, спрячь лицо под плащ. А я...

— А ты будешь моим немым дядей! — радостно перебил Бао. — И не спорь, начальник. У тебя лицо слишком суровое для торговца, а так хоть молчать будешь.

Через пять минут троица спокойно шла навстречу патрулю. Цан тащил под уздцы лошадь, на которой сидела укутанная в плащ Лиан, а Бао весело размахивал руками.

— Стоять! Кто такие? — рявкнул начальник патруля, преграждая дорогу копьем. — Куда путь держите ночью?

— Ой, почтенные господа, счастья вашему дому и три мешка золота! — запел Бао, кланяясь во все стороны. — Я — Бао, честный продавец целебных кореньев. А это — моя двоюродная сестра, у нее... э-э... ветрянки! Лицо страшное, зеленое, в пупырышках, лучше не смотрите, а то сглазит!

Лиан под плащом фыркнула.

— А это кто? — патрульный ткнул пальцем в Цана, который стоял с каменным лицом, стараясь выглядеть глуповато.

— А это мой дядюшка Му! — запричитал Бао, обнимая Цана. — Наш кормилец! Бедняжка, он немой от рождения. Его в детстве испугал бешеный пельмень, с тех пор ни слова сказать не может. Только мычит, когда кушать хочет. Дядя Му, покажи, как ты мычишь, когда голодный!

Цан повернул голову к Бао. В его глазах читал приговор: «*Я убью тебя, как мы пройдем патруль*». Но ради спасения принцессы десятник перешагнул через гордость, открыл рот и издал унылое:

— М-м-му-у-у...

— Вот-вот! — закивал Бао, утирая фальшивую слезу. — Видите, как страдает старик? Ведем его к целителю в соседнюю деревню. Пропустите, господа хорошие!

Начальник патруля посмотрел на «дядю Му», потом на «зеленую сестру» и махнул рукой.

— Ладно, проваливайте. Чудные вы какие-то.

Когда патруль скрылся за поворотом, Цан повернулся к Бао и начал разминать кулаки.

— Бешеный пельмень? — вкрадчиво спросил десятник. — Дядюшка Му?

— Начальник, ну я жизнь нам спас! — Бао попятился за лошадь принцессы. — Какая экспрессия! Какая драма! Скажи же, госпожа?

Лиан откинула капюшон, ее глаза блестели от смеха.

— Десятник Цан, это было... восхитительно. Пожалуй, ваше «му» было исполнено в идеальной тональности «ля-минор». Назначаю вас моим главным экспертом по пельменям.

Цан вздохнул, улыбнулся и махнул рукой. Впереди была долгая дорога домой, в империю, где их ждали три тысячи законов, злой канцлер и Император, который наверняка опять перепутал тунику. Но почему-то сейчас эта дорога казалась самой прекрасной в мире.

Глава 5

До границы с родной империей оставалось всего два перехода, когда принцесса Лиан остановила лошадь посреди цветущего луга. Она посмотрела на далекие горы, за которыми лежал золоченый, но такой тесный дворец, и тихо сказала:

— Цан. Я не вернусь.

Десятник, проверявший подпругу, замер и поднял голову.

— Ваше Высочество, мы почти дома. Канцлер Го будет наказан, Император ждет.

— Кого он ждет, Цан? — Лиан спрыгнула с седла, и в ее голосе прозвучала горечь. — Он ждет «Идеальный Сосуд Империи». Он ждет дочь, которая будет играть на семи инструментах, наливать чай по часовой стрелке и прятать лицо за куском шелка, пока не выйдет замуж за того, кого выберет Свод Законов. Я не хочу туда. Я только сейчас начала дышать.

Цан нахмурился, его верность императору протестовала против каждого ее слова.

— Это государственная измена, госпожа. Мой долг — вернуть вас отцу.

— Тогда передай ему, что меня убили! — Лиан шагнула к нему, ее глаза блестели от слез. — Расскажи про канцлера Го, пусть отец знает врага в лицо. Но обо мне... скажи, что не успел. Что похитители сбросили меня в ущелье. Пожалуйста.

— Я солдат, а не лжец, — отрезал Цан, отвернувшись. — Я давал присягу.

Лиан посмотрела на его непоколебимую спину. Она не стала кричать или топтать ногами, просто села на траву и закрыла лицо руками. Это была не игра. Ей было по-настоящему, отчаянно страшно возвращаться в свою клетку.

Бао, наблюдавший за этим из-за куста, шмыгнул носом:

— Ну начальник... Ну ты и сухарь. У нее даже пушинка из волос выпала от горя.

Цан стоял неподвижно. Его устав трещал по швам. Он вспомнил Свод Законов, дергающийся глаз Императора, ее тоскливый взгляд на площади... И понял, что если сейчас насильно увезет ее во дворец, то сам станет похитителем.

Десятник вздохнул, подошел.

— Прекратите сырость, Ваше Высочество.

Лиан приоткрыла заплаканные глаза.

— Я согласен, — буркнул Цан, избегая ее победного взгляда. — Но с одним условием. Я — патриот своей империи. И если я не могу охранять принцессу во дворце, я буду охранять ее здесь. Я не оставлю вас одну в чужой стране. Отныне мой пост — в двух шагах от вас. Куда вы, туда и мой меч. Идет?

Лиан лучезарно улыбнулась, стерев слезы рукавом.

— Идет. И... Цан? Спасибо.

Для временного лагеря они облюбовали домик на окраине тихой деревушки. Домик стоял у самого ручья — как раз такого, о каком Лиан мечтала. Старушка-хозяйка из деревни с радостью сдала его «молодой семейной паре и их странному младшему брату» за пару медных монет на целую неделю.

Цан развернул бурную деятельность. Он притащил с рынка мешок муки, вяленое мясо, овощи и связку дров.

— Так, — Цан сурово посмотрел на Бао, который уже успел устроиться на крыльце и грызть яблоко. — Слушай боевую задачу. Я ухожу в империю. Мне нужно три дня туда, три дня обратно. На это время ты — старший по караулу. Если с головы принцессы упадет хоть один волос...

— Знаю, знаю, — зевнул Бао. — Заставишь учить параграф про иву. Начальник, расслабься! Я ее как зеницу ока беречь буду. Мы с ней планировали обсудить рецепт правильных пельменей.

Лиан вышла из домика. На ней было простое платье, волосы завязаны в узел.

— Цан, возьми это, — она протянула ему нефритовую заколку в виде закольцованного дракона. — Отец подарил мне ее на десятилетие. Покажешь ее и скажешь... ну, то, что мы придумали. Что меня больше нет.

Цан бережно взял холодный камень, завернул в платок и спрятал у сердца. Он посмотрел на Лиан — без вуали, без шелка, стоящую босиком на мягкой траве у ручья. Она выглядела такой счастливой, что у него внутри что-то странно кольнуло.

— Берегите себя, госпожа, — сказал десятник. — И не пейте воду из ручья слишком быстро. А то простудитесь, а у Бао из лекарств только сушеные корни неизвестного происхождения.

— Возвращайся скорее, дядя Му, — с теплой усмешкой ответила Лиан. — Без тебя чай заваривать некому. Пузырьки «глаз рака» без твоего сурового контроля не получаются.

Цан коротко кивнул, развернулся и зашагал по тропе в сторону империи, унося с собой самую большую ложь в своей жизни и великую тайну одной маленькой принцессы.

Глава 6

В тронном зале империи Шэнь стояла такая тишина, что было слышно, как у главного евнуха от страха чешется левое ухо. Император сидел на троне, бледный и осунувшийся. Напротив, со скорбным лицом, стоял канцлер Го. В руках он держал платочек, который прижимал к сухим глазам.

Двери распахнулись. В зал вошел десятник Цан. Одежда была разорвана в двух местах, а на лице свежая царапина от придорожного куста. Он рухнул на колени, склонив голову.

— Ваше Величество... — произнес Цан. — Я опоздал.

Император подался вперед.

— Что? Что ты говоришь, солдат? Где моя дочь?

Цан достал из-за пазухи платок и развернул его. На ладони заблестела нефритовая заколка-дракон.

— След вел в ущелье Силы, — твердо, но с ноткой трагизма в голосе соврал Цан. — Похитители поняли, что я нагоняю их. Один из них толкнул повозку с принцессой в пропасть. Сами разбойники... кхм... ликвидированы на месте. Лично мной. Извините, допросить не удалось, они сразу упали головами на мой меч. Все трое.

Канцлер Го икнул. Его отряд наемников, за который было уплачено золотом, погиб. План переворота летел в тартарары.

— Лиан... — прошептал Император, принимая заколку. Из его глаза покатились настоящие слезы. — Моя бедная девочка. Она так и не выучила «Танец Смиренной Цаплицы» до конца...

— Ваше Величество, — тут же вкрадчиво подплыл канцлер Го. — Какое горе! Но закон требует... параграф 815... В связи с утратой наследницы, вы обязаны объявить сорок дней траура, надеть тунику цвета «пепла увядшей хризантемы» и передать бразды правления мне, как вашему верному другу...

Император Шэнь поднял голову. Он посмотрел на Цана, потом на заколку, потом на Го.

— Знаешь что, Го? — сказал Император. — Пошел ты к черту со своим пеплом и параграфами.

Евнухи дружно упали в обморок. Шэнь встал с трона, подошел к Цану, поднял его с колен и обнял.

— Спасибо за службу, сынок. Ты сделал все, что мог. А ты, Го... — Император прищурился. — След вел в ущелье Силы? Туда, где у тебя фамильное поместье? Объявляю государственную проверку твоих налогов за последние десять лет. С пристрастием. Начиная с сегодняшнего дня.

Канцлер Го побледнел настолько, что слился по цвету с колонной. Цан мысленно улыбнулся: принцесса Лиан могла спать спокойно.

Пока Цан сдавал экзамен по актерскому мастерству перед Императором, в маленьком домике у ручья кипела жизнь. Свобода ударила принцессе Лиан в голову, и она решила взять от жизни все.

— Так, госпожа, — важно поучал Бао, сидя на заборе. — Если ты хочешь быть вольным человеком, ты должна уметь свистеть сквозь зубы. Вот так! — Бао издал свист, от которого с дерева посыпались птицы.

Лиан усердно сложила губы, дунула, но получился лишь сиплый звук, похожий на вздох умирающего ежа.

— Не получается, — расстроилась она. — Нас учили только петь баллады о верности на вдохе.

— Ладно, свист — это высший пилотаж, — махнул рукой Бао. — Давай потренируем «грозный разбойничий взгляд». Представь, что перед тобой толстый купец с мешком золота. Твои действия?

Лиан выпрямила спину, приподняла подбородок и одарила Бао самой идеальной придворной полуулыбкой.

— Ой-ёй... — Бао чуть не свалился с забора. — Прекрати! У меня от этого взгляда ощущение, что я должен сдать экзамен по этикету или мыть полы в тронном зале. Очень страшно, честно. Давай лучше пельмени лепить.

С пельменями дело пошло веселее. Лиан, обладавшая феноменальной точностью рук благодаря игре на семи инструментах, лепила пельмени с такой скоростью и изяществом, что они получались идеальной формы — один к одному, как белые жемчужины.

— Ого! — восхитился Бао, глядя на поднос. — Да за такие пельмени в нашей столице можно трактир купить! Как ты это делаешь?

— Это просто, — улыбнулась Лиан, отправляя очередную «жемчужину» на доску. — Я просто представляю, что это головы министров, которые заставляли меня учить правила заваривания жасмина. Очень успокаивает.

Цан вернулся на исходе шестого дня. Когда он подошел к домику, у него на мгновение перехватило дыхание.

У костра сидела Лиан. На ней был фартук, перемазанный мукой, на носу красовалось белое пятнышко, а в волосах снова торчала какая-то травинка. Она смеялась, слушая очередную небылицу Бао. И выглядела такой живой, теплой и... настоящей, что десятник поймал себя на мысли: он готов совершить десяток государственных измен, лишь бы этот смех не прекращался.

— Начальник вернулся! — заорал Бао, вскакивая. — Дядя Му, живой!

Лиан поднялась навстречу. Ее глаза вспыхнули такой искренней радостью, что у Цана застучало в ушах громче, чем на утреннем разводе полка.

— Цан... — подходя ближе. — Как все прошло?

— Канцлер Го считает убытки и ждет налоговую проверку, Ваше... то есть, Лиан, — Цан улыбнулся, впервые назвав ее по имени. — Император оплакал заколку. Вы свободны. Отныне вас не существует для Свода Законов.

Лиан шагнула вперед и, прежде чем Цан успел сообразить, что нарушает примерно сорок параграфов о недопустимости тактильного контакта с вымышленно погибшими принцессами, обняла его за шею. От нее пахло мукой, костровым дымом и жасмином.

— Спасибо, мой верный десятник, — прошептала она ему на ухо.

Цан аккуратно, словно боясь сломать, обнял ее в ответ. Его большие руки легли на ее спину.

— Я же обещал, что буду охранять вас, — ответил он, чувствуя, как быстро бьется ее сердце. — Куда мы отправимся теперь?

— Эй, голубки! — прервал романтический момент Бао, вытаскивая из котла дымящийся пельмень. — Вы обнимайтесь, конечно, но пельмени стынут! Между прочим, приготовлены по правилам высшей геометрии!

Лиан отстранилась, слегка покраснев, но не выпуская руки Цана из своей.

— Нас ждет весь мир, Цан, — сказала она, глядя ему прямо в глаза. — Попутешествуем. Посмотрим на поля, напьемся из ручьев. И знаешь что? Мы откроем лучший чайный трактир в этой стране. Будем подавать пельмени и заваривать жасмин так, как нам нравится. Без всяких законов.

Цан посмотрел на ее счастливое лицо, на Бао, который уже вовсю уплетал ужин, и понял, что его служба империи закончилась, но началась самая удивительная жизнь.

— Хорошо, — улыбнулся десятник, присаживаясь к костру и крепче сжимая ладонь Лиан. — Только чур воду для чая грею я.

И над маленьким ущельем взлетел веселый, свободный ветер, унося остатки старых законов далеко-далеко в прошлое.

Глава 7

Путешествие по королевству Сила складывалось прекрасно, пока дело не дошло до финансового планирования. Оказалось, что свобода — штука замечательная, но аренда помещения под трактир требует денег.

Троица сидела на обочине пыльной дороги под раскидистым тутовником. Цан пересчитывал монеты.

— Итак, — десятник, складывая медь в кошель. — Моих армейских сбережений хватит на то, чтобы мы сытно ели три месяца, купили новую подкову для лошади и приобрели три приличных веника. На покупку здания в приличном городе не хватит.

Лиан, сплетавшая венки из одуванчиков, фыркнула. Запустила руку в карман плаща и выудила оттуда золотой браслет, усыпанный крупными рубинами. Браслет на солнце засиял так ярко, что Бао на секунду ослеп и уронил мешок себе на ногу.

— Вот, — сказала принцесса, протягивая украшение Цану. — Матушкино наследство. Всегда с собой носила, в память о ней. Думаю, если продать, мы сможем купить не просто трактир, а целую чайную плантацию вместе с вежливыми сборщиками.

Цан посмотрел на браслет и его челюсть упрямо выдвинулась вперед. Он завернул золото обратно в ее ладонь.

— Нет, — отрезал десятник.

— Почему это «нет»? — удивилась Лиан. — Он мне все равно не нужен.

— Потому что это твое приданое и память о матери, — с такой мужской силой в голосе сказал Цан, что Лиан невольно заслушалась. — Я обещал защищать тебя. И я не допущу, чтобы моя... чтобы ты продавала свои семейные реликвии, пока у меня есть две руки и меч. Мы найдем деньги. Честным трудом.

Бао восхищенно вздохнул:

— Начальник, ну ты выдал! Прямо как герой из баллады о верности. Аж у самого слеза наворачивается. Только кушать хочется, а честный труд обычно долго созревает.

Лиан посмотрела на Цана. В его глазах было столько упрямой, трогательной заботы и мужской гордости, что у нее внутри разлилось тепло. Она убрала браслет назад и пододвинулась к нему ближе.

— Хорошо, господин суровый воин, — прошептала она, заглядывая ему под козырек шлема. — Не будем продавать. Но учти, если мы начнем голодать, я заставлю тебя учить «Танец Цапли», и ты будешь выступать на площадях за медные гроши. С твоей грацией это будет хит сезона.

Цан представил себя, прыгающего на одной ноге с полуулыбкой в доспехах, содрогнулся и поспешно поднялся.

— В дорогу. Впереди торговый город Шанти. Там что-нибудь придумаем.

Город Шанти встретил их шумом, криками зазывал и запахом жареной рыбы. Торговля здесь кипела на каждом углу.

— Место должно быть особенным, — рассуждала Лиан, пока они пробирались сквозь толпу. — Не просто квадратные стены. Нужна душа. Чтобы рядом росло раскидистое дерево, а из окна был виден закат. И чтобы шепот ветра не заглушался криками продавцов навоза.

— Хотелки у тебя, конечно, королевские, сестрица, — проворчал Бао, который всю крутил головой, пытаясь стащить с лотка сушеную грушу (но под суровым взглядом Цана вовремя одергивал руки). — С таким бюджетом наш закат будет виден только сквозь дыру в крыше старого амбара.

Они обошли несколько вариантов, но все было не то. То слишком дорого, то в темном переулке, где вместо аромата жасмина пахло канализацией.

К вечеру, уставшие и запыленные, они вышли на самую окраину города, где река делала крутой изгиб. И тут Лиан остановилась как вкопанная.

На холмике, прямо над водой, стоял небольшой, наполовину заброшенный двухэтажный дом с полукруглой крышей. Рядом росла огромная старая ива, чьи ветви касались воды. Место было тихим, уединенным, но в то же время — всего в ста шагах от оживленного торгового тракта. Закат окрашивал реку в багровые тона.

— Вот оно, — прошептала Лиан, и ее глаза заблестели. — Цан, посмотри. Это же идеальный «Дом Испуганного Чайного Листа».

— Хозяин просит за него сто золотых, — вздохнул подошедший Бао. — Для нас это как до Луны пешком. Владелец — скупой купец по имени Лао. Он скорее удавится на чайном шнурке, чем скинет хотя бы медную монетку.

Цан молча осмотрел дом, проверил прочность балок под навесом, а затем повернулся к Лиан. Она смотрела на это здание с такой надеждой, словно там была вся ее будущая жизнь.

Десятник поправил пояс.

— Бао, разузнай, где живет этот Лао. Кажется, пришло время для переговоров. Но без мечей. Применим секретное оружие империи.

Старый купец Лао сидел в роскошном доме и пребывал в дурном расположении духа. Его повара в очередной раз приготовили пельмени, которые развалились в котле, превратившись в невнятную кашу. Лао страдал отсутствием аппетита и изжогой.

Вдруг в его двери постучали. На пороге стоял суровый воин и юноша с огромным подносом, накрытым вышитым платком.

— Мы не покупаем коренья, — буркнул купец.

— Мы пришли предложить вам сделку, почтенный Лао, — вежливо, по всем правилам имперской дипломатии начал Цан. — Мы знаем, что вы не можете продать дом у реки уже три года. И мы знаем, что вы большой ценитель хорошей кухни, но местные повара вас разочаровывают.

Бао с драматическим жестом скинул платок. На фарфоровом блюде лежали идеально круглые, глянцевые пельмени, от которых шел умопомрачительный аромат трав и свежего мяса. Они выглядели как ювелирные изделия.

Лао прищурился, взял палочки и отправил один пельмень в рот. Его глаза округлились. Он замер и на его лице впервые за месяц появилась блаженная улыбка.

— Небеса... — прошептал купец. — Мясо нежное, тесто тонкое, как шелк, а внутри... что это за приправа?

— Секретный имперский рецепт «Успокоение министра», — скромно соврал Бао. — Наша мастерица лепит их вручную, напевая баллады в тональности до-диез. Это лечит изжогу и возвращает радость жизни.

— Я покупаю этот рецепт! — вскричал Лао. — Даю десять золотых!

— Рецепт не продается, — сказал Цан. — Но мы предлагаем другое. Мы забираем ваш заброшенный дом у реки. Взамен — мы открываем там чайную, и вы получаете пожизненное право бесплатно обедать у нас лучшими пельменями в поднебесной каждый день. Вы получаете сытую старость и избавление от изжоги, а мы — стены.

Купец Лао колебался. Жаба внутри него боролась с урчащим от восторга желудком. — Но сто золотых... это слишком мало... пельмени, конечно, божественны, но дом...

В этот момент из-за спины Цана плавно вышла Лиан. На ней была простая накидка, но держалась она так, словно за ее спиной стояла вся армия империи. Она посмотрела на Лао королевской полуулыбкой и мягко произнесла:

— Почтенный Лао. Посмотрите на меня. Вы ведь понимаете, что если вы откажетесь, я открою трактир в другом городе. И вы всю оставшуюся жизнь будете со слезами на глазах вспоминать этот вкус, доедая разварившуюся кашу. Стоит ли горсть золота вечного кулинарного траура?

Купец Лао посмотрел в эти огромные, завораживающие глаза, сглотнул слюну, взглянул на пустую тарелку из-под пельменей и вздохнул.

— Ладно. Ваша взяла, колдуны кулинарные. Забирайте свой дом. Но если завтра к обеду на моем столе не будет тридцати таких «жемчужин» — я выселю вас вместе с вашей ивой!

Поздним вечером, когда уставший Бао уже спал без задних ног прямо на полу их нового, пока еще пыльного дома, Цан и Лиан сидели на причале у самой воды. Ива шелестела над их головами, а река отражала звезды.

Цан смотрел на воду. На душе у него было странно и тихо. Больше не нужно было бежать, врать Императору или прятаться от патрулей.

Лиан придвинулась к нему и положила голову на плечо. Цан вздрогнул, но не отодвинулся. Напротив, положил свою ладонь поверх ее маленьких пальцев.

— Ты сердисься на меня? — спросила она, вдыхая прохладный ночной воздух. — За то, что заставила торговаться с этим купцом и пустить в ход пельмени?

— Нет, — Цан улыбнулся. — Я просто думаю, что ты потрясающая. Ты укротила трех наемников жасминовым чаем, обвела вокруг пальца патруль Силы, а теперь купила дом за тарелку теста с мясом. Кажется, Свод Законов империи потерял величайшего дипломата.

Лиан рассмеялась, прижимаясь к его плечу.

— Империя потеряла дипломата, зато Сила обрела счастливую хозяйку чайного трактира. И лучшего охранника в мире.

Цан повернул к ней голову. Их лица оказались совсем рядом. В лунном свете ее глаза казались бесконечно глубокими. Он приподнял ее подбородок кончиками пальцев.

— Я буду охранять твой покой, Лиан. Всегда. Даже если для этого придется лепить пельмени миллионами.

— Ловлю на слове, дядя Му, — прошептала она с улыбкой.

И в эту секунду, под тихий шепот старой ивы, их губы наконец встретились в первом, робком, но таком долгожданном поцелуе. Ветер с полей Силы закружил вокруг них пушинки, словно празднуя рождение новой, совершенно свободной баллады, в которой не было ни одного параграфа.

Глава 8

День открытия трактира «Дом Испуганного Чайного Листа» начался с того, что Цан уронил на ногу вывеску, а Бао умудрился запереть себя в кладовой изнутри.

— Начальник! — доносилось из-за дубовой двери. — Тут темно, пахнет сушеными грибами, и я, кажется, случайно съел чье-то лечебное корневище! Выпусти меня, у меня от него левое ухо покалывает!

Цан, стоя в фартуке поверх доспехов (для безопасности), устало потер переносицу. — Бао, если ты сожрал корень горного имбиря, который Лиан берегла для особого отвара, она тебя сама там замурует. Стой смиренно, я иду за топором.

Лиан в этот момент металась между столами, расставляя глиняные пиалы. На ней было простое голубое платье, а волосы были заколоты обычной бамбуковой палочкой. Напряжение висело в воздухе: до полудня оставался час, а на кухне все еще не закипела вода нужной тональности.

— Цан! — позвала она, и в ее голосе скользнула паника. — У меня не получается завязать салфетки узлом «Смиренная утка»! Руки дрожат, все валится!

Десятник бросил топор, подошел к ней сзади и обнял, прижимая к груди. Паника Лиан мгновенно улетучилась, сменившись ровным теплом.

— Дыши, — сказал Цан, целуя ее в макушку, где снова умудрилась запутаться маленькая пушинка. — Забудь про уток. Забудь про три тысячи законов. Это наш дом. Если салфетки будут лежать криво, мы скажем, что это новый писк моды в Силе.

Лиан улыбнулась, развернулась в его руках и быстро поцеловала его в подбородок. — Спасибо. Что бы я без тебя делала, мой суровый немой дядя?

— Наверное, учила бы Бао свистеть сквозь зубы, — усмехнулся десятник.

Из кладовой донеслось:

— Эй! Романтики! Вы там целуетесь, а у меня корень имбиря начинает действовать! Я вижу фиолетовых цапель!

Трактир открылся, и народ повалил рекой. Первым, как и обещал, явился толстый купец Лао. Он уселся за лучший столик у окна, демонстративно положил перед собой пустую тарелку и застучал палочками по столу, требуя свои тридцать «жемчужин». Лиан лично подавала ему чай, заваренный с пузырьками «глаз рака», отчего купец довольно мурлыкал, как сытый кот.

Цан стоял у входа, скрестив руки на груди, и его суровый вид обеспечивал идеальный порядок — даже самые буйные матросы с речных барж вежливо вытирали ноги о коврик перед входом.

Проблема пришла откуда не ждали. Бао, наконец вызволенный из кладовой, вызвался приготовить фирменный «Праздничный суп Силы с фрикадельками».

— Я добавлю туда щепотку секретных специй! — гордо заявил он, бегая вокруг огромного чана.

Однако, Бао все еще слегка находился под впечатлением от съеденного в темноте корня имбиря. В какой-то момент ему показалось, что суп выглядит грустным.

— Супу не хватает характера! — пробормотал Бао и бахнул в кипящий бульон добрую пригоршню крупной каменной соли. Потом подумал, что характер должен быть волевым, и бахнул еще одну.

Через десять минут первая порция супа отправилась на стол к купцу Лао. Старик зачерпнул ложку, отправил в рот... и лицо его приобрело цвет спелого баклажана. Он закашлялся, замахал руками и выплюнул суп.

— Воды! — закричал Лао. — Это не суп! Это рассол из мертвого моря! Вы решили отравить постоянного клиента?!

Лиан подбежала к столу, попробовала суп с кончика ложки и поморщилась — соль сводила челюсти. С кухни испуганно высунулся Бао, держа в руках половник как щит.

— Я... я просто хотел, чтобы у супа была харизма, — пропищал он.

Ситуация накалялась, Лао уже собирался топтать ногами и грозить выселением. Но тут вмешался Цан. Он вынес блюдо с пресным рисом и кувшин со сладким ягодным морсом.

— Почтенный Лао, — невозмутимо произнес Цан. — Вы не поняли задумки нашего шеф-повара. Это старинное имперское блюдо «Испытание пустыней». Сначала вы едите этот безумно соленый бульон, затем заедаете его пресным рисом, который впитывает соль, а в конце выпиваете ледяной морс. Это полностью обновляет вкусовые рецепторы и продлевает жизнь на пять лет.

Лао недоверчиво посмотрел на Цана, потом на рис. С осторожностью взял ложку супа, затем горсть риса, запил морсом... Его глаза снова округлились, но уже от удивления. Рис идеально сбалансировал соль, а сладкий морс завершил гастрономический взрыв.

— Хм... — протянул купец, вытирая усы. — Хитры вы, имперцы. Действительно... необычно. Ладно, пишите в меню: «Суп с харизмой».

К вечеру, когда шумная толпа поредела, в трактир зашли двое странных посетителей. Это были высокие мужчины в дорожных плащах. Они сели в самом темном углу и заказали зеленый чай.

Цан сразу подобрался, его рука привычно легла на рукоять меча под фартуком. Он узнал эту выправку. Это были солдаты его родного полка «Железных Журавлей».

Один из всадников поднял голову — это был старый товарищ Цана, лейтенант Мин. Он посмотрел на Цана, затем перевел взгляд на Лиан, которая как раз весело смеялась, принимая плату у какого-то торговца. Мин долго смотрел на принцессу.

Цан подошел к их столу и молча поставил кувшин с морсом.

— Привет, Мин, — сказал десятник. — Ищете кого-то?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.